

В СТАТЬЕ «Душевное слово» А. Осипова, секретаря Уссурийского горкома КПСС, помещенной в мае этого года в «Правде», нет ни одного слова о театре: речь в ней — о беседе агитатора — инженера, человека культурного, знающего — с рабочими одного из заводских цехов. Тема беседы — о задачах развития производства, которые ставит сегодня партия, и о том, какой вклад в их выполнение может внести коллектив участка. Так почему же эта статья, в особенности первый ее раздел, так близко касается человека театра, вздымает в нем так много неотложных вопросов о путях дальнейшего развития искусства сценического перевоплощения?

Почему?
Потому что и театр — агитатор.

— Понравилось? — обратился по окончании беседы автор статьи «Душевное слово» к пожилому рабочему. — Да как сказать... Все верно. Только об этом мы уже в газетах читали, а хотелось бы все-таки обстоятельнее обсудить наши дела. Кому с какой стороны взяться, чтобы скорее план двинуть. А он как-то в воздух говорил, будто и не к нам обращался...

Не случается разве, что и из театра зрители все же иногда выходят обманутыми в своих ожиданиях?

В чем же дело? Отчетливо произнесен текст пьесы, реплик не напутали, паузы выдержали. Мы даже испытывали некое воодушевление, вызванное живой мыслью хорошей пьесы. Так чего же, чего «недодали» мы зрителям?

И я подумала: ведь тот агитатор, как свидетельствует статья, говорил складно и уверенно. И что же? Чем дольше он говорил, тем больше людей слушали его почти равнодушно. Понятно: как мы — в зрителях, так и он — в слушателях не вызвали душевного подъема, не встряхнули их сильно и ласково живым словом своим, а ведь французское слово «агитатор» в переводе на наш язык — «встряхиватель».

ПОМНИТСЯ ДАЛЕКИИ-ДАЛЕКИИ ДЕНЬ одного из первых лет Советской России... Ряды кресел оперного театра, все еще продолжавшего зваться «Театром Зимина», заняли актеры Москвы, актеры всех возрастов. Они пришли на первую лекцию об Октябре.

Нашим первым лектором был Михаил Иванович Калинин. — ему дано было вводное слово. — и вот стоит на сцене человек революционной действительности, человек — плоть от плоти, кровь от крови революционного народа.

Своим долгом считает он помочь нам разобраться в событиях всеисторического значения, ищет путей к нашему сознанию, ищет слово.

В центре сцены стоял микрофон, но Михаил Иванович поминутно отдалялся от него, непрерывно двигаясь взад-вперед.

— Вы актеры, — обратился он к нам, — вы привыкли к особым словам, к цветистым...

А заговорил словами самыми простыми из простых.

И голос его был негромкий. Но мы Калинина Михаила Ивановича слышали: он сам был воплощением жизнелюбия.

Не патетическими, не нарядными словами доказуем патриотизм — делами. Полную слиянность с судьбой народа неопровержимо доказали актеры блокированного фашистами Ленинграда: голые, замерзшие почти до обледенения, брели они по утрюмым улицам, брели на концерт к защитникам города, израненного врагами, изрешеченного их снарядами, но все же наперекор всему живого, несдающегося...

Огромным бывал успех таких концертов, чудесным воздействие сценического искусства как на зрителей, так и на самих концертантов.

Великая Отечественная война была самым требовательным экзаменатором на верность народу, и можно с чистой совестью признать, что актеры, выступая и в тылу страны, в госпиталях, вызывая улыбку на бледных губах раненых, отвлекая глубокой мыслью литературного произведения оперированного от сосредоточенности на своем страдании, сдавали этот экзамен на хорошо.

Каждый день и каждый вечер мы, режиссеры и артисты, спектаклями театра держим этот экзамен перед своими современниками, и каждый из нас держит экзамен перед самим собой: имешь ли право не вслух, а в душе своей произнести: **Служу трудовому народу!**

Скоро полвека, как создаются искусство и культура советского народа, руководимые нашей партией, верной заветам Ленина: сохранение вечно живых традиций прошлого не противопоставляется партии и правительством установлению новых традиций, открытию новых путей нашего искусства.

Можно ли сердцем не согласиться с той высокой мерой воздействия театра на действительность, какая выражена Лениным, выражается партией и народом наших дней? Разве есть актер, который не мечтал бы достигнуть такой правды и красоты отображения им нового человека, чтобы эта правда в зрителях пробуждала желание крепить лучшие силы ума и сердца?

Многого достиг наш театр, но можем ли мы сказать, что вполне владеем даром слова сценического искусства, могучей и пленительной силой его красноречия?

ТЕАТР ГОВОРИТ СО ЗРИТЕЛЯМИ иначе, чем беседуют хорошие знакомые. Говорит пьесой драматурга и своим спектаклем. Горе, если он ошибочно выберет пьесу и скажет не то, что истинно, что следует сказать народу. Горе, если, не угадав формы воплощения идей галантизированной пьесы, не так прочтет ее в своем спектакле.

В обоих случаях — «не то» и «не так» — лишают театр дара слова и в «публику» былых времен превращают зрителей, наших соотечественников, наших современников. Рампа тогда становится шлагабумом.

И наоборот: вызван людьми сцены в людях зрительного зала душевный подъем, и рампа скрепляет этот чудесно возникший союз.

Не под патриаршее благословение возник Московский Художественный театр, и царские чиновники запретили основателям нового театра включить в свое наименование слово — **Общедоступный**. И полицейские чины, передетые капелъдинерами, дежурили на спектаклях «Доктора Штокмана» во время гастролей Художественного театра в столице императорской России. Штокман, в исполнении Станиславского, для петербургского революционно настроенного студенчества стал символом борьбы против насилия, лжи, угнетения.

Неоценим по значению вклад Станиславского и Немировича-Данченко в искусство режиссера, в искусство актера. И те, кто изведал на себе животворное действие открытых ими законов, те удостаиваются великой радости возможности творческих достижений. Мысли, высокой, светлой идее присуждено было основателями Художественного театра первое место в искусстве.

Есть ли новое в игре советских актеров? С чем в душе выходят они на трибуну советской сцены? Чего добиваются, исповедуя метод социалистического реализма? Трех прав: жизненной, социальной, театральной.

Любовь к Родине стимулирует рвение художника театра к труду, стремление довести внешнюю и внутреннюю технику своей профессии до совершенства.

Всю жизнь бился Станиславский с дилетантизмом, невежеством именно драматического актера. Станиславский оставил нам обретенные и впервые организованные им сведения о законах искусства. Он завещал нам в наследство золотую руду знаний.

Молодым, избравшим театр делом жизни, мало лишь сознанием, или того хуже — рассудочно, коснуться основ творческой теории Станиславского; ее неизбежно познать, постигнуть на практике в такой степени, чтобы она стала опорой в создании каждого

нового художественного образа, верой художнического сердца, а для этого необходимо, кроме прилежания и воли к труду, наличие таланта, самобытность творческой индивидуальности.

Молодежь — весна народа! Артистическая молодежь — весна театра. Хорошая весна влияет на лето, осень и зиму. И что особенно важно, что и зима талантливого человека, избравшего труд по призванию, угадавшего профессию, как свою суженую, не теряет творческой силы, талантливый никогда не станет иждивенцем жизни.

НАША ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ как союзников призывает деятелей искусства к борьбе за Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Как жандетса, чтобы в театр по истинному призванию шли талантливые люди. Они пораньше, чем сейчас, овладеют искусством актера, со знанием народа и времени, это, во-первых, а во-вторых, они преодолеют все, что препятствует воле и в них самих их творческому расцвету.

Горячей силой убеждения провозгласил слова Станиславского: «Никогда не верьте, если кто-либо говорит, что тяжелая жизнь задавила в нем талант. Талант — это огонь, и задавить его невозможно не потому, что не хватило огнетушителей, а потому, что талант — это сердце человека, его суть, его сила жить».

В борьбе идей, что сейчас идет в мире, недостаточно для советского актера дать сценическому образу путевку в жизнь, ведь это все равно, как дать право человеку на сугубо личное «тыловое» существование.

Вместе с путевкой наш сценический образ должен получить от нас качества борца, и только тогда сценическое творение, художественное и идейное, как воин, станет сражаться за интересы народа, за утверждение лучших черт советского человека, за искоренение в нем пережитков индивидуализма.

И пусть на молодых актеров, знающих, умелых, вдохновенных, залюбуется наш народ. Пусть хоть в самой малой степени напомнят молодые художники театра тех, кто впервые в мире поднялся в беспредельную высь космоса, чтобы разведать его тайны и разведанное отдать земле.

Как дивно было глядеть на молодые их лица в ореоле скафандров, отраженные экраном телевизора, какую радость давали нам с высоты звучание их голосов и слова из улыбающихся их губ: «Настроение прекрасное. Аппаратура действует безотказно!»

Серафима БИРМАН.
Народная артистка РСФСР.

ПРАВДА - 7 ИЮЛ 1964 г. МОСКВА